

УДК 1:159.9

Тимошенко Г.В., Ефремова Г.И., Леоненко Е.А., Бочковская И.А.
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО РИСКА

Аннотация. Статья посвящена описанию механизма влияния социума на формирование психосоматически значимых реактивных паттернов человека. Авторы рассматривают вертикальную позицию человека в социальном взаимодействии как один из социальных факторов, определяющих тип психосоматического риска. В статье предложена методика исследования вертикальной позиции человека с целью прогнозирования в дальнейшем конкретных психосоматических рисков. Авторы приходят к выводу о возможности введения социальных факторов в поле исследования проблемы формирования возникновения психосоматических заболеваний.

Ключевые слова: вертикальная позиция, эмоциональные стрессоры, страх, злость, психосоматические риски.

G. Tymoshenko, G. Efremova, E. Leonenko, I. Bochkovskaya
North Caucasian Federal University, Stavropol

A PERSON'S VERTICAL POSITION IN SOCIAL INTERACTION AS A FACTOR OF FORMATION OF A PSYCHOSOMATIC RISK

Abstract. The article is devoted to the description of the mechanism of social influence on the formation of psychosomatically significant reactive patterns of a person. The authors consider a person's vertical position in social interaction as one of social factors that determine the type of psychosomatic risk. This paper proposes a technique of studying the vertical position of a person in order to predict further specific psychosomatic risks. The authors come to the conclusion that it is possible to introduce social factors into the field of research, which studies the problem of psychosomatic diseases formation.

Key words: vertical position, emotional stressors, fear, anger, psychosomatics risks.

Проблема формирования психосоматического риска традиционно относится к полю физиологических и психологических исследований. В

© Г.В., Ефремова Г.И., Леоненко Е.А., Бочковская И.А., 2014.

Статья подготовлена в рамках Задания № 25.1679.2014/К от 11.07.2014 г. на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

предлагаемом контексте психосоматический риск понимается как повышение вероятности формирования у человека какого-либо соматического заболевания под влиянием тех или иных его личностных характеристик.

При этом психологическая разработка этой проблемы в основном ведется с позиций психологии личности и индивидуальных различий [7; 8; 11;

13; 15]. В то же время в научной литературе практически нет исследований социальных факторов, обуславливающих формирование различных видов психосоматического риска. Не удалось нам также найти в трудах зоологов и зоопсихологов упоминаний о случаях возникновения психосоматических заболеваний у животных. На наш взгляд, последний упомянутый факт можно считать косвенным указанием на специфически человеческую природу таких заболеваний.

Однако даже подтверждение гипотезы о подобной специфичности не могло бы безусловно означать, что эта специфичность может быть связана только с индивидуально-личностными различиями. Нельзя не учитывать тот факт, что социальная детерминированность жизнедеятельности является одним из существенных отличий человека как вида от прочих живых организмов. Следовательно, специфичность того или иного феномена нельзя рассматривать только в контексте онтогенетического развития отдельного человека. Необходимым является также исследование филогенетической специфичности любых поведенческих и личностных паттернов человека – в том числе и психосоматических заболеваний. И в рамках исследования такой специфичности изучение социальных факторов формирования риска подобных заболеваний представляется нам весьма перспективным. Например, исследования Ю. Щербатых показали, что организм человека реагирует на экзамен так же бурно, как на реальную опасность для здоровья, хотя речь здесь идет не о биологическом, а лишь о социальном благополучии человека [14].

Однако в современной науке все большее распространение получают идеи о том, что ценность любого эмпирического исследования определяется возможностью системной интерпретации его данных [9, с. 5–32]. Это означает, что для интерпретации медицинских и биологических эмпирических исследований реакций человеческого организма на события внешнего и интериоризированного человеком социума необходима соответствующая теоретическая модель.

Целью предлагаемого теоретического исследования является описание одного из механизмов влияния социума на формирование психосоматически значимых реактивных паттернов человека. В качестве фактора, обуславливающего такое влияние, мы используем вертикальную позицию человека в его социальном взаимодействии.

Вертикальная позиция человека в социальном взаимодействии

Предлагаемое нами представление о значимости вертикальной позиции человека в социальном взаимодействии для формирования психосоматического риска, основано на понимании социального взаимодействия П. Сорокина. Согласно его определению, «социальное взаимодействие есть система взаимообуславливающих социальных действий, связанных причинной циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта являются причиной и следствием ответных действий» [16].

Термин «позиция» происходит от латинского слова «position», что означает «положение». Следовательно, в контексте нашего исследования должно быть значимым положение, кото-

рое человек будет занимать в своем социальном взаимодействии с другими людьми. Однако с точки зрения решаемой нами задачи необходимо четко определить, какое конкретное содержание в этом контексте вкладывается в слово «положение».

В различных толковых словарях это слово определяется как местонахождение в пространстве; расположение, постановка тела или его частей; состояние кого-нибудь или чего-нибудь; сложившиеся обстоятельства. Определяющей характеристикой всех значений слова «положение» является соотношенность описываемого объекта с другими объектами или обстоятельствами. Именно эта характеристика в дальнейшем будет использована нами для определения вертикальной позиции человека в его социальном взаимодействии.

Любое социальное взаимодействие по своей сути является так или иначе организованной совокупностью действий, т. е., как и материальное взаимодействие, определяется действующими внутри него силами. В свою очередь, сила описывается количеством приложенной энергии и направлением, в котором эта сила приложена [4].

При этом энергия может быть кинетической (энергия движения) или потенциальной (энергия положения, зависящая от расположения тел). Соответственно, в социальном взаимодействии также должны присутствовать два вида сил. Первый из них зависит от направления и скорости движения этих субъектов в пространстве, т. е. количественно и качественно определяется мотивацией субъекта взаимодействия. Второй тип зависит от соотносительного распо-

ложения субъектов взаимодействия в пространстве взаимодействия, и именно он является значимым в рамках нашего исследования. При этом решающую роль играет не объективное соотношение субъекта социального взаимодействия с другими его участниками, а субъективное представление человека о его положении относительно других участников взаимодействия. В рамках нашего исследования именно это субъективное представление взаимодействия называется вертикальной позицией.

Для конкретизации описания такой позиции наиболее пригодной нам кажется концепция Э. Берна. Он рассматривает взаимодействие в общении через динамику межличностных позиций партнеров, которые обозначаются как «Родитель», «Взрослый» и «Ребенок» и определяют реальный процесс взаимодействия [2].

В рамках своей концепции, имеющей психоаналитические корни, Э. Берн сосредоточился на личностных характеристиках каждой из трех описанных позиций. Тем не менее, с нашей точки зрения, его идея о вертикальном соотношении субъектов межличностного общения содержит в себе значительно бо́льшие возможности, будучи примененной для исследования социального взаимодействия. С этой точки зрения позиции Родителя (позиция сверху), Ребенка (позиция снизу) и Взрослого (позиция на равных) могут быть описаны следующим образом:

— человек, занимающий позицию сверху, исходит из приоритетности собственных мнений и желаний, априорной собственной значимости для другого человека, значимости своих

ожиданий и оценок для него, приоритетности собственного права решать, оценивать, судить другого и т. д.;

— человек, занимающий позицию снизу, исходит из меньшей значимости собственных мнений и желаний по сравнению с мнениями и желаниями другого человека, из оценки своих возможностей и прав как меньших по сравнению с правами и возможностями другого человека и т.д.;

— человек, занимающий позицию на равных, исходит из одинаковой значимости своего мнения и мнения другого, своих желаний и желаний другого, равенства своих и его прав.

Иными словами, человек, занимающий позицию сверху, выступает в роли субъекта воздействия на другого человека как на объект. Человек, занимающий позицию снизу, отводит себе положение объекта воздействия. Человек, занимающий позицию на равных, воспринимает себя и другого человека как субъектов взаимодействия. Это, в свою очередь, означает, что каждая из позиций влияет на готовность человека переживать те или иные эмоции – а следовательно, и на процесс формирования различных видов психосоматического риска.

Влияние вертикальной позиции человека на формирование психосоматического риска

Эмпирически установлено, что основной причиной формирования психосоматического риска можно считать специфику переживания человеком длительного и некомпенсируемого эмоционального стресса [1; 5; 8; 10]. При этом в качестве основных эмоциональных стрессоров исследователями выделяются страх и злость [1; 3].

Так, можно соотнести переживание страха с опасным для человека фрагментом реальности, а злости – с фрагментом, мешающим ему удовлетворить ту или иную потребность. Следует отметить, что как мешающий, так и опасный фрагменты реальности по своей сути являются помехой для удовлетворения человеком той или иной потребности. В предлагаемом контексте различие между ними состоит в том, что первый вариант помехи субъективно воспринимается человеком как преодолимый, а второй – как заведомо более сильный, т. е. скорее всего непреодолимый. Такое понимание открывает новые возможности для исследования влияния вертикальной позиции человека в его социальном взаимодействии на формирование различных психосоматических рисков [6].

С этой точки зрения страх как основная эмоция, возникающая в ответ на наличие некоего опасного фрагмента реальности, – это эмоция, которую возможно испытывать только из позиции снизу. Однако в человеческой жизни существуют не только витальные опасности, угрожающие самой жизни или физической целостности человека. К опасным могут быть отнесены многие фрагменты социальной реальности человека: угрозы его финансовому положению, жизни и здоровью его близких, прочности его положения на работе, его представлению о самом себе и окружающем мире и т. д.

Выделим в качестве критерия для классификации опасных фрагментов реальности локализацию возможных последствий опасности:

— фрагменты реальности, угрожающие конкретными опасными изменениями во внешнем мире;

— фрагменты реальности, угрожающие изменениями во внутреннем мире человека.

К изменениям во внутреннем мире можно отнести изменения в представлениях человека о внешнем мире и в его представлениях о самом себе и своем месте в этом мире. Естественными следствиями подобных изменений неизбежно становятся перемены в его отношениях и к тому, и к другому. При этом коррективы в представлениях человека о людях, предметах, событиях и обстоятельствах внешнего мира оказываются опасными не сами по себе, а как причины каких-либо неприятных или трудных изменениях во взаимодействии с ними.

Кроме того, необходимость признать ошибочными свои представления и действия, совершенные на их основе, приводит к необходимости признать себя самого способным эту ошибку совершить, т. е. недостаточно прозорливым, внимательным, умным и т. п. Это, в свою очередь, влияет на представление человека о себе самом - и, соответственно, на отношение к себе самому. Следовательно, такой страх изначально основан на завышенном представлении о своих возможностях, достоинствах, положении и т. д. – т. е. на занимаемой человеком позиции сверху.

Однако в то же время в подобном страхе проявляется и позиция снизу: для возникновения такого страха человеку необходимо признать, что некто или нечто снаружи способно повлиять на него помимо его желания (т. е. является более сильным или даже неподвластным). Таким образом, описанные типично человеческие страхи с точки зрения обуславливающей их

вертикальной позиции можно считать смешанными, сочетающими в себе позиции сверху и снизу.

Если проанализировать с этой точки зрения страх, связанный с возможностью опасных изменений во внешнем мире, то можно будет выделить две его разновидности:

— адаптивный страх, являющийся результатом адекватного исследования фрагмента реальности и обнаружения у него действительно опасных для человека характеристик;

— дезадаптивный страх человека перед существующими только в его иллюзиях некими опасными характеристиками конкретного фрагмента реальности (предметный страх) или реальности вообще (беспредметная тревога).

Адаптивный страх возникает в результате исследования характеристик реальности и потому способен определить возможные способы взаимодействия с ее опасным фрагментом: убежать, спрятаться, притвориться, подчиниться и т. д. Именно понимание возможных способов действия и делает такой страх адаптивным. Подобный страх определяется позицией снизу.

Напротив, страх дезадаптивный не соотнесен с определенными характеристиками конкретного фрагмента реальности, который кажется человеку опасным, - а, значит, никаких адекватных способов действия не порождает. Это, в свою очередь, приводит к возникновению страха перед своей принципиальной неспособностью справиться с ситуацией – т. е. фактически страха потери контроля. В случае личностной нормы человек осознает факт существования многого в окружающем мире, что ему неподвластно,

и потому не считает ни возможным, ни необходимым управлять любой ситуацией. С этой точки зрения страх потери контроля можно считать проявлением позиции сверху.

Тот же принцип можно использовать и при исследовании эмоции злости на мешающий, но предположительно подвластный человеку фрагмент реальности в соотношении с вертикальной позицией человека.

Для животного помехой может являться все, что осложняет ему процесс удовлетворения некоей биологически обусловленной потребности или препятствует осуществлению этого процесса. Это означает, что помеха для животного всегда совершенно конкретна и реальна. Для человека злость на реальную помеху так же возможна, как и для животного, и является проявлением вполне здоровой позиции на равных (в силу своей тактической адаптивности).

Однако в силу наличия у человека воображения он способен предположить наличие у другого человека любых желаний – как существующих в скрытом виде в настоящем, так и способных возникнуть в будущем. Таким образом, помимо реально мешающих человеку фрагментов реальности в его представлении имеются фрагменты, принципиально способные ему мешать и потому заведомо воспринимаемые им как потенциальная помеха. Можно выделить два вида потенциальных помех:

- помеха реальному или возможному желанию, осуществление которого предполагается во внешнем мире;
- помеха некоему желанию, осуществление которого возможно исключительно во внутреннем мире.

Первый вид, предполагающий наличие потенциальной помехи для осуществления человеком своих желаний (актуальных или предполагаемых) во внешнем мире, в свою очередь, также может существовать в двух вариантах. В первом из них представление человека о наличии потенциальной помехи строится на основе адекватного исследования реальности и основанной на результатах такого исследования адаптивной экстраполяции. Когда ситуация развивается таким образом, это обеспечивает человеку стратегическую адаптивную реакцию, поскольку осуществить такое исследование может только человек, обладающий здоровой личностью и вследствие этого находящийся с реальностью в позиции на равных.

Во втором варианте представление о помехе основано на том, что человек воображает какую-то ситуацию. При этом он предполагает, что ему известны не только нынешние, но и будущие желания, представления, отношения кого-то другого. Очевидно, что в этом случае он выступает из позиции сверху и испытывает злость на то, что воображаемая помеха лишает его контроля над ситуацией. Сходным образом формируется и злость, которую человек испытывает по отношению к кому-либо или кому-либо, что мешает ему иметь определенное представление о себе и какое-то конкретное отношение к себе самому.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что склонность человека к переживанию определенных эмоций определяется его вертикальной позицией в его социальном взаимодействии. Человек, занимающий позицию снизу, воспринимает самого себя как

объект чужого воздействия и потому склонен испытывать страх в любом социальном взаимодействии. Человек, занимающий позицию сверху и воспринимаящий себя как субъекта воздействия на другого человека, в ситуациях наличия любой помехи больше склонен испытывать злость. Человек, обладающий смешанной позицией, в различных социальных ситуациях склонен к переживанию и страха, и злости.

Данные многочисленных физиологических исследований показывают, что переживание и животными, и человеком различных эмоций сопровождается различными совокупностями биохимических процессов. При активно-оборонительных реакциях (агрессия, ярость и т. п.) возбуждается симпатическая нервная система, при пассивно-оборонительных реакциях (страх, депрессия и т. п.) – парасимпатическая. Кроме того, при разных эмоциях наблюдаются различия в соотношении выделяемых адреналина и норадреналина. В результате разные комплексы биохимических ответов организма на различные стрессоры приводят к формированию различных психосоматических рисков. Таким образом, определение вертикальной позиции, предпочтительно занимаемой человеком в его социальном взаимодействии, можно считать значимым для прогнозирования типа возможного психосоматического риска.

Методика исследования вертикальной позиции человека в социальном взаимодействии

Для исследования вертикальной позиции человека в социальном взаимодействии нами был разработан

и апробирован опросник ВПСВ [12]. Опросник включает в себя 24 тестовые ситуации, относящиеся к трем различным сферам человеческого взаимодействия: взаимодействие с близкими людьми, деловое взаимодействие и взаимодействие с посторонними людьми. Сферы были выделены по следующим критериям:

— дистанции, принятой в соответствующей сфере взаимодействия (что соответствует различному уровню значимости для человека каждого из соответствующих видов взаимодействия);

— специфики мотивации, способной актуализироваться в каждой из перечисленных сфер.

Все тестовые ситуации были разделены на две группы: в одном случае испытуемому предлагались варианты его внешней реакции на воздействие, в другом – варианты его внутренней реакции. К краткому описанию каждой тестовой ситуации было приложено три варианта реакции человека на предлагаемое внешнее воздействие: один вариант ответа являлся отражением позиции на равных, второй – позиции снизу, третий – позиции сверху. Испытуемому предлагалось выбрать тот вариант, который, на его взгляд, наиболее для него характерен.

Ответы каждого испытуемого подсчитывались по трем критериям:

— общая выраженность той или иной вертикальной позиции в социальном взаимодействии;

— проявления той или иной вертикальной позиции в поведении человека;

— проявления той или иной вертикальной позиции во внутренних реакциях человека.

Опросник был апробирован на выборке из 141 человека. Выяснилось, что позиция сверху более характерна для женщин, нежели для мужчин. У мужчин равная позиция в общении обеспечивается в основном за счет внутренних реакций, у женщин же внутренние и внешние реакции представлены примерно одинаково. Было также установлено, что предпочтение реакций с позиции снизу (как внешних, так и внутренних) с возрастом снижается, а предпочтение реакций с позиции на равных – увеличивается.

Кроме того, в исследовании были обнаружены значимые различия между возрастными группами по следующим критериям:

- предпочтение внутренних реакций с позиции снизу с возрастом уменьшается;

- предпочтение реакции с позиции снизу в целом ниже в старшей возрастной группе;

- предпочтение внешних реакций с позиции на равных выше в старшей возрастной группе;

- выбор позиции снизу в критерии определенности мотива чаще производится в более младшей возрастной группе.

Остальные различия групп проявлялись на уровне тенденции, не достигая статистически значимого уровня.

По принадлежности к той или иной профессии респонденты были разделены на две группы:

- испытуемые, профессии которых предполагают необходимость руководства: администраторы, менеджеры, HR-специалисты, учителя и руководители;

- испытуемые, профессии которых не предполагают необходимости руко-

водства: продавцы, секретари, инженеры и студенты.

Результаты исследования показали, что позицию сверху – в рамках как внешних, так и внутренних реакций – чаще демонстрируют испытуемые, профессии которых предполагают необходимость руководства.

Полученные данные сами по себе можно считать ценными с точки зрения исследования формирования психосоматических рисков в различных гендерных, возрастных и профессиональных категориях. Однако в рамках исследуемой нами проблемы формирования психосоматических рисков более значимым можно считать сам факт возможности использования предлагаемой методики для диагностики вертикальной позиции, выбираемой человеком в его социальном взаимодействии. Достоверное установление факта предпочтения человеком позиции сверху дает основания предполагать наличие у него склонности к переживанию злости – и, соответственно, формирование соответствующего типа психосоматического риска. Напротив, выявление предпочтения человеком позиции снизу позволяет прогнозировать наличие у него соответствующего типа психосоматического риска в результате склонности к переживанию страха. Наличие смешанной вертикальной позиции (выбор человеком в одних ситуациях позиции сверху, а в других – снизу) приводит к смешанному же типу психосоматического риска.

Основные выводы

Проведенное исследование дало возможность:

– ввести социальные факторы в поле исследования проблемы формирования психосоматических рисков;

– описать вертикальную позицию человека в социальном взаимодействии как один из социальных факторов, определяющих тип психосоматического риска;

– предложить методику исследования вертикальной позиции человека с целью прогнозирования конкретных психосоматических рисков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александровский Ю.А. Пограничные психиатрические расстройства. М.: Медицина, 2000. 496 с.
2. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии. Академический проект, Гаудеамус, 2013. 320 с.
3. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Академический проект, 2009. 944 с.
4. Кошкин Н., Ширкевич М. Справочник по элементарной физике. М.: Наука, 1974. 255 с.
5. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс/ Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. 178-208 с.
6. Леоненко Е.А., Ефремова Г.И., Тимошенко Г.В., Бочковская И.А. Эмоциональные переживания человека как причина возникновения психосоматического риска. - Asian Social Science. 2014. Vol 10. № 22. P. 247-262.
7. Леонова А. Б., Кузнецова А.С. Психопрофилактика стресса. М: Изд-во МГУ, 1993. 175 с.
8. Москвин В.А. Межполушарная асимметрия и индивидуальные стили эмоционального реагирования // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 116–120.
9. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания: сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 5–32.
10. Смирнов Б.А., Долгополов Е.В. Психология деятельности в экстремальной ситуациях. Х.: Гуманитарный центр, 2007. 276 с.
11. Судаков К.В. Индивидуальная устойчивость к эмоциональному стрессу. М.: Горизонт, 1998. 267 с.
12. Тимошенко Г.В. Метафорическая модель личности как способ исследования вертикальной позиции человека в социальном взаимодействии: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.05 / Тимошенко Г.В. М., 2013. 25 с.
13. Хомская Е.Д. Нейропсихология. 4-е изд. Питер, 2013. 496с.
14. Щербатых Ю. Психология страха. М.: ЭКСМО, 2005. 399 с.
15. Karasek R.A. Job demands, job decision latitude and mental train: implications for job redesign // Administrative Science Quarterly 1979. V. 24. 16. Sorokin P.A. Social and cultural mobility. N.Y., 1959. P. 258–306.